

Итак, специфика конструирования мира спортсменами, а именно их следование одному и тому же операциональному сценарию, находит свое выражение в особенностях порождения дискурса комментатором. Прототипической моделью дискурса является следующая последовательность речевых актов: декларатив, фиксирующий развитие каждого отдельного сценария, ассертив, дающий информацию о положении вещей в наблюдаемом мире, и эмотив, передающий субъективную оценку событий наблюдателем. Технологичность дискурсивного мониторинга мира в спортивном репортаже заключается в формировании и менеджменте пространства наблюдения. Непосредственному началу мониторинга предшествует предварительный дискурс, вовлекающий смотрящих/слушающих в процесс сонаблюдения, следования за комментатором. Дискурсивный мониторинг разворачивающихся событий осуществляется по минутам. Комментатор мгновенно вербализует формирующиеся во время наблюдения пропозиции, что требует от него максимальной собранности и подготовленности. Высокая информативность прямого комментария, обусловленная быстрой сменой наблюдаемых событий, отражается в сложной пропозициональной структуре предложений. Вербализуя пропозиции для смотрящих/слушающих, комментатор следует определенным приемам подачи информации, которые в своей совокупности составляют единую технологию.

Литература

1. ВЭФ – Всемирная энциклопедия: Философия. – М.: Современный литератор, 2001. – 1312 с.
2. Ким, М. Н. Технология создания журналистского произведения. – СПб.: Академический проект, 2001. – 320 с.
3. Мисонжников Б. Я. Феноменология текста (соотношение содержательных и формальных структур печатного издания). – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. – 490 с.
4. Плотникова С. Н. Когнитивно-дискурсивная деятельность: наблюдение и конструирование // *Studia Linguistica Cognitiva* Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. – М.: Гнозис, 2006. – С.66-81.
5. Christians, C. G. The Changing News Paradigm: From Objectivity to Interpretive Sufficiency // *Qualitative Research in Journalism. Taking It to the Streets*. // Edited by Sh. H. Iorio. – Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates, 2004. – P. 41-59.
6. Collier, A. In Defence of Objectivity. – London: Routledge, 2003. – 283 p.

А.П. Урбаева
г. Москва

Повтор в современном немецком языке

The work summarizes views about repetition in modern German and focuses on the role of reduplicative words in word-building system of German. It takes up the problem of their classification. In this paper the author proposes a subgroup of repetitions found in proper reduplicative compounds, ablaut and rhyme combinations.

Известно, что повтор обратил на себя внимание исследователей еще со времен античности. Несмотря на это до сих пор выходят монографические, диссертационные исследования и статьи, свидетельствующие о глубоком интересе лингвистов к данному языковому явлению на материале русского, английского, немецкого и французского языков (Hansen K., 1964, Bzdega A., 1965, Янко-Триницкая Н.А., 1968, Tappen D., 1989, Wiese R., 1990, Schindler W., 1991, Данилевская Н.В., 1992, Устина Н.В., 1993, Корбут А.Ю., 1994, Петрова Е.Н., 1996, Разноглагова Н.В., 1998, Сарина З.М., 1999, Семина С.И., 1999, Лукашина Е.П., 2000, Крючкова О.Ю., 2000, Казакова В.Ю., 2001, Добижа О.А., 2001, Ковальчук И.Ю., 2005). Объектом научного интереса немецких лингвистов становились и отдельные виды повтора (Ackermann, 1877; Gottschall, 1893; Wagenknecht, 1989; Arndt, 1990). Как одна из фигур речи он упоминается во многих трудах, посвященных вопросам стилистики, риторики и поэтики (Wackernagel, 1888; Weise, 1910; Engel, 1931; Faulstich und Kühn, 1961; Meyer, 1902; Reiners, 1961). Интерес этот обусловлен тем, что повтор являет собой многогранный лингвистический феномен, широко функционирующий во всех языковых странах.

Теоретически обоснованный и сознательно введенный еще античными риториками повтор считался совершенно необходимым и важным элементом ораторского выступления. До сих пор не утратила своей ценности подробнейшая классификация повтора как стилистического сред-

ства, разработанная мыслителями античности. На протяжении всех лингвистических эпох повтор является универсальным средством, функции которого меняются в зависимости от литературных направлений. Большое распространение повтор получил и в поэзии. В целом следует отметить, что проблема повтора как многофункционального и многопланового речевого явления находится на пересечении нескольких лингвистических направлений. Исследованию повтора уделяется большое внимание в стилистике, теории номинации, теории речевых актов, семантике, синтаксисе. Тем не менее единство мнений относительно его природы и статуса пока не достигнуто. Недостаточная разработанность проблемы выражается в противоречивости взглядов авторов, в неоднородности критериев существующих классификаций. Совершенно естественно, что при многообразии подходов к изучению повтора существуют различные классификации данного явления.

Своего рода классификацию видов повтора дает в своей статье J. Aitchison в весьма доступной и занимательной форме:

When parrots do it, it's parroting.

When advertisers do it, it's reinforcement.

When children do it, it's imitation.

When orators do it, it's epizeuxis, plocé, anadiplosis, poliptoton, antimetabole.

When novelists do it, it's cohesion.

When poets do it, it's alliteration, chiming, rhyme, or parallelism.

When priests do it, it's ritual.

When sounds do it, it's gemination.

When morphemes do it, it's reduplication.

When phrases do it, it's copying.

When conversations do it, it's reiteration [Aitchison 1994: 15].

Даже эта не лишенная юмора классификация свидетельствует о том, что повтор присутствует на разных уровнях языка (фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом и семантическом) и рассматривается как геминация, аллитерация, амредита, удвоение, редупликация, тавтология, плеоназм, когезия и т.д., реализуя при этом конкретное функциональное назначение. В свою очередь внутри каждого яруса повторы классифицируются в зависимости от специфики и становятся отдельными объектами исследования. При этом отмечается, что между повторами различных уровней нет резких границ, наоборот, между ними существует тесная взаимосвязь и взаимодействие. Дефиниции, почерпнутые из лексикографических источников, могут послужить отправным пунктом для исследования, но они не в состоянии помочь в решении большинства проблем, которые скрывает повтор под разными обозначениями. Обзор лингвистической литературы, посвященный изучению такого языкового явления, как повтор, свидетельствует о том, что сложилось несколько подходов к определению его лингвистического статуса. Традиционно филологи рассматривают языковой повтор, с одной стороны, как словообразовательное и формообразующее средство, с другой стороны, как фигуру речи.

Ср.: «Повтор – 1. (удвоение, редупликация, повторение). Полное или частичное повторение корня, основы или целого слова без изменения их звукового состава (или частичного изменения) как способ образования слов, синтаксических и описательных форм и фразеологических единств; 2. (реприза). Фигура речи, состоящая в повторении звуков, слов и выражений в известной последовательности» [Ахманова, 1969: 237].

«Редупликация – это фомоморфологическое явление, состоящее в удвоении начального слога (частичная редупликация) или целого корня (полная редупликация). Предельный случай редупликации – повтор, т.е. удвоение всего слова» [ЛЭС, 1990: 408].

В рамках данной статьи предлагается остановиться на формальном выражении повтора в значении, предложенном в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» и сферах его употребления в современном немецком языке. В результате проведенных нами исследований на основе лексикографических источников (толковые словари немецкого языка, двуязычные словари, словари разговорной лексики, словари терминов, словари молодежного сленга), а также художественной литературы немецкого языка можно представить несколько наблюдений.

Итак, в сферу нашего интереса входят слова, содержащие удвоение в своей структуре. В лингвистике подобные лексические единицы общелитературного языка иногда называют «амредитой», т.е. «типом сложных слов, образованных повтором основы» [Ахманова, 1969: 43], «редуплицированными сложными словами» [Arnold, 1973: 78], «удвоенными образованиями»

[Степанова, Фляйшер, 1984: 116], «атрибутивными словами» [Мешков, 1976: 241]. Повтор, или же редупликация, представляет собой простейший прием словообразования, распространенный по всему миру, но более частый в языках стран Азии, чем в европейских. Обусловлено это тем, что количественно больше она представлена в языках изолирующего и агглютинативного типов. Что касается немецкого языка, роль повтора как словообразовательного средства здесь вряд ли может сравниться со словосложением или аффиксацией. М.Д. Степанова и В. Фляйшер отмечают, что «словообразование нередко связано с ограничением в сочетании «непосредственно составляющих» [Степанова, Фляйшер, 1984: 83]. В качестве примера морфологических ограничительных правил они называют отсутствие повторения одинаковых корневых морфем при образовании композита. В качестве исключения, лишь подтверждающего правило, приводятся слова *Kindeskind*, *Zinseszins*, *Helfershelfer*. Но также справедливо замечено, что абсолютизировать правила словообразования не следует в силу того, что «они перекрываются правилами коммуникативного употребления. При этом должны быть приняты во внимание текстообразующие, социолингвистические и функционально-лингвистические аспекты» [Там же: 84]. Это «слова уникальной структуры», как называет их Е.В. Розен [Розен, 2000: 98]. Уникальность их состоит в том, что удвоение не свойственно строю немецкого языка. Возможно, это и послужило причиной того, что проблема редупликации оставалась в тени как в теоретическом, так и в эмпирическом аспекте. Отмечено, что в литературном языке редупликация играет незначительную роль, но не выделять ее вообще как словообразовательную возможность неразумно, особенно если принять во внимание потенциал редупликации в сфере разговорной лексики. В качестве компромисса для обозначения редупликации можно остановиться на термине «малая модель» словообразования. В немецком языке, будучи немногочисленной, она тем не менее насчитывает, по данным некоторых исследователей, порядка 2-3 тысячи лексических единиц [Розен, 2000].

Возможно, что внешняя примитивность способствовала широкой распространенности внутрисловного повтора во всех языках мира. Удивительно, каким многообразием грамматических и семантических категорий обладает редупликация как слово- и формообразующее средство в отдельно взятых языках. С точки зрения общего языкознания значение ее неоспоримо. Этот деривационный способ, вероятно, столь же древен, как и человеческий язык вообще. В основе его, несомненно, должны были лежать сочетания двух первично самостоятельных, хотя бы и тождественных, слов, имевшие целью выразить повторение или большую продолжительность известного действия, его интенсивность и т. д. Таковы, напр., санскр. *piba-piba* = пей-пей, *div é - div é* = ежедневно (ср. нем. *tagt ä glich*), *yathā-yathā* = как всегда; греч. *πάμ - ποῦ* (г. е. *páv + páv*) = «совершенно, совсем», *πλέον - πλέον* = больше и больше; лат. *jam-jam, semper-semper*; рус. еле-еле, чуть-чуть, рано-рано (или раным-рано), мало-мало (народн. мало-малю) и т.д. Четко выражена функция интенсификации в таких словах, как *tagtäglich, wortwörtlich, jahrjährich, nachtnächilich*. В этих прилагательных продолжает свое существование традиционный тип полной итеративной редупликации, обладающей интенсивно-дистрибутивным значением. Сюда же можно отнести слова *bittebitte, neinlein, jaja* (ср. *да-да, ни-ни, нет-нет*). В германских языках, а в немецком в частности, явление это нашло свое выражение в исторически формообразующей функции, следы которой можно было увидеть у сильных глаголов в форме прошедшего времени. Чаше этот процесс проявлялся в удвоении начального слога основы. В течение же исторического развития редупликация здесь уступает место аблауту. В форме простого прошедшего времени *tat' (älter, tät/tet')* глагола *tun'* мы можем увидеть следы индогерманской редупликации в перфекте. Ее можно показать на примере латинского глагола *tango* (Präsens) и соответствующей ему перфектной формы *tetigit*. Редупликаты (слова, содержащие в своей структуре повтор) представляют собой слова самого различного происхождения, частично восходящие к древним эпохам. В немецком языке есть зафиксированные примеры еще с периода ДВН: *fifaltra, wiwint, pfipfiz*. Как известно, повторение одного и того же слова являлось самым древним способом счета предметов, поэтому в некоторых языках это нашло отражение в виде формообразующей функции редупликации (напр., образование мн. ч. существительных).

Особенностью фактически всех редупликатов является то, что состоят они из повторения двух слогов, морфем (реже трех; более трех – в единичных случаях). Иногда для слов такого типа, как *Ticktacktick, Bimbambum, Piffpaffpuff*, используется термин «трипликация», что вполне оправдано, принимая во внимание то, что «редупликация» – это удвоение, а не утроение.

Обычно именно формальная структура выступает как основа для классификации редупликатов. Традиционно выделяют *полную* и *частичную* редупликацию. Разница состоит в том, что некоторые лингвисты под полной редупликацией понимают простое удвоение без изменений гласного, а другие включают в этот термин еще и аблаутивные образования. Более приемлемым для нас в результате анализа полученного методом сплошной выборки материала, представляется деление редупликации на три группы: полная, обозначаемая еще простой редупликацией (*Effeß, Aa, allerallerbest, Agar-Agar*), аблаутивная (*bimbam, Fickfack, Klingklang, Kribskrabs, Krimskrams, Krickelkrackel, Schnickschnack, Zickzack*) и рифмованная (*Klimbim, Kuddelmuddel, Pinkelwinkel, Kuschelmuschel, Hülemüle*).

Что касается сфер употребления редупликатов, то можно выделить следующие из них:

1. Звукоподражания. Универсалией можно назвать использование редупликации как изобразительного средства при образовании разного рода подражательных и изобразительных слов. Значительную часть редупликатов немецкого языка составляют звукоподражательные повторы, относящиеся к древнейшим пластам лексики. Звукоподражания имеют многовековую историю, обусловившую их особое место в сложившейся системе частей речи. Звукоподражания в известной степени могут долгое время не подвергаться влиянию эволюционного развития в языке. Как засвидетельствовала история немецкого языка, они долгое время остаются незатронутыми фонетическими изменениями. Действительно, в немецком языке редупликаты применяются для воспроизведения различного рода звуков. Имеется в виду как передача звуков музыкальных инструментов, различных шумов, так и криков животных и пения птиц:

knacks, knack: lautm. für einen kurzen, harten, hellen Ton, wenn etwas bricht od. springt;
knicks, knacks: lautm. für ein Geräusch, das beim Knicken u. Knacken von Holz o. Ä. entsteht;
tatütata: lautm. für den Klang eines Martin-Horns o. Ä.;
gack, gack: lautm. für das Gackern des Haushuhns;
piep, pieps: lautm. für das Piepen bes. junger Vögel od. auch bestimmter Kleintiere.

С помощью редупликатов передаются музыка и шумы в произведениях устного народного творчества. На протяжении всех литературных эпох звукоподражательный повтор является универсальным средством, функции которого меняются в зависимости от литературных направлений. Используется он с целью создания музыкального эффекта, композиционной завершенности, определенного лирического настроения.

2. Детская речь. В тесной связи со звукоподражаниями находятся лексические единицы, принадлежащие детскому языку, особенно если речь идет об обозначении животных (*Muhmuh, Wauwau, Muschimuschi*). Наиболее широко представленные семантические поля специфического словаря автономной детской речи помимо животных включают еще родство, пищу, части тела. В словарях с пометой *Kinderspr.* зафиксированы большей частью полные повторы, а не аблаутированные или рифмованные редупликаты: *Aa, Mama, Papa, ata-ata=dada=tata gehen, baba, bääbä, Baba, aua-aua, Bimbim, killekille, Popo, Wauwau, Töfflöff, Ki-Ki, Lulu, Pipi, Putput, Wehweh, happa-happa, ei, ei machen, ballaballa, Bobo*.

Некоторые «детские» редупликаты приобрели новые значения в молодежном сленге.

Balla-balla [zu Ball, in Anspielung auf die Kindertümlichkeit dieses Wortes; also eigl. = kindlich, einfältig] (salopp, bes. Jugendspr.): nicht recht bei Verstand
Anstandswauwau (ugs. scherzh.): jmd., der durch seine Anwesenheit über Sitte u. Anstand bes. eines jungen Mädchens wachen soll.

Детская речь пользуется более ярким, более «маркированным» способом выражения понятий. При употреблении в речи взрослых детские слова приобретают оттенок не ласкательности, а пейоративности, снисходительности, осуждения, сюсюканья, инфантильности, наивности, детскости.

3. Неофициальные обозначения лиц. С помощью редупликации появляются уменьшительные и ласкательные формы, в том числе и от имен собственных. Редупликация или удвоение в составе так называемых «лепетных» форм (*Lallformen*) имен известно еще с периода ДВН: *Atto, Bobbo, Duodo, Nanna, Dodd, Nanno, Poppo, Pappo*. Основой для образования редуплицированных форм служил ударный слог полной формы имени: *Dodo < Dudo < Liutold, Liudolf*. Достаточно часто встречаются прозвищные именованья, образованные при помощи редупликации: *Coci < Corine, Pepe < Petra, Jojo/Joja < Johannes*.

Излюбленным способом образования прозвищ-дразнилок в детском и младшем подростковом возрасте являются прозвищные именованья со вторым рифмующимся компонентом: *Wallemalle (für Waldemar), Schulze-Schnulze, Specht-Hecht, Ulli-Bulli, Walther-Schalter, Renate-*

Spinat; в английском языке: *Anny-Panny, Dolly-Polly, Jenny-Penny, Judy-Pudy, Sally-Pally*; в русском языке: *Саша-Каша, Ленка-Пенка, Вовка-Морковка, Ирка-Бирка, Ксюша-Хрюша* и пр.

4. Термины. Совершенно иной уровень в сравнении с представленными выше группами представляют собой слова: «*flow after flow*»-*Messung, Eins-Plus-Eins-Adreßbefehl, Atom-Atom-Konformation, Wulst-zu-Wulst-Behandlung*. В сфере терминологической лексики единицы разного уровня, в формальной организации которых так или иначе наличествует повтор, называют «цепочечными образованиями», у которых происходит «нанизывание морфем» [Лейчик, 1981: 71]. В структурном плане наиболее продуктивной можно считать модель: *Sub+Prep+Sub=Sub* (*Kopf-Kopf-Polymerisation, Hüfte-an-Hüfte-Haltung, Faser-Faser Reibung* и пр.). Помимо существительного элементы повтора представлены следующими лексико-грамматическими классами: имя прилагательное (*feste-feste Grenzfläche, Feucht-in-Feucht-Arbeiten, Naß-in-Naß-Imprägnierung*), имя числительное (*Eins-Plus-Eins-Adreßbefehl*), наречие (*Links-links-Ware*), союз (*AND-to-AND, ODER-ODER*).

5. Заимствования. Нередко редупликаты заимствуются из английского, французского и других языков. В большей степени заимствованные повторы характеризует их стилистическая нейтральность в отличие от слов явно немецкого происхождения, о чем свидетельствует отсутствие помет в соответствующих словарных статьях: *Bonbon, Tricktrack, ticktack, Toto*. Процесс заимствования продолжается. Относительно недавно заимствованы: *blabla(bla), ye(h)-ye(h), Go-go-Girl, Go-go-Stil, Links-links-Ware*.

6. Диалектные редупликаты. До сих пор использование редупликатов скорее характеризует диалектную разговорную речь, чем литературный язык. В большей степени это касается рифмованных и аблаутивных образований, которым свойственен высокий уровень экспрессивности: *Schmudriwudri, Larifari, Diridari, Fickfack(er), Füllerflaller, Geschisti-Geschasti, Heizefeiz, Hillebille, Hollerboller, Hülemüle*. Некоторые редуплицированные образования пересилили свою территориальную ограниченность и вошли в обращение в письменной речи и литературном языке: *Remmidemmi, Zickzack, Tingeltangel, Wirrwarr, Heckmeck, Multikulti, Kuddelmuddel, Krimskrams* и др.

В результате исследования, проведенного на материале немецкого языка, мы можем отметить, что повтор служит средством экспрессивного словообразования. Он свойственен многим языкам, различается лишь степень его представленности. Несмотря на небольшую количественную представленность редупликатов в современном немецком языке спектр их функционального применения достаточно широк: передача интенсивности признака, создание музыкального эффекта, придание композиционной завершенности, определенного лирического настроения, способ выражения дополнительных смысловых оттенков, которые не могут быть представлены другими языковыми средствами (следовательно, при повторении реализуется принцип экономии речевых ресурсов).

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1969.
2. Лейчик В.М. Оптимальная длина и оптимальная структура термина // Вопросы языкознания. – 1981. – №2. – С.63-73.
3. Мейшков О.Д. Словообразование в современном английском языке. – М., 1976.
4. Розен Е.В. Как появляются слова. Немецкая лексика: история и современность. – М., 2000.
5. Степанова М.Д., Фляйшер В. Теоретические основы словообразования в немецком языке. – М., 1984.
6. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Яруева. 2-е изд. – М., 1998.
7. Arnold I.V. The English word. – М., 1973.
8. Aitchison J. «Say, say it again Sam». The treatment of repetition in linguistics // Repetition. Ed. by Andreas Fischer. – Tübingen: Narr, 1994 (Swiss papers in English language and literature; vol. 7). – S.15-34.

В.Г. Люболинская
г. Иркутск

**Кулинарная метафора в языке политической прессы современной Германии:
структура, содержание, функции**

The subject of the present study is the analysis of the metaphors representing knowledge in the sphere of politics in terms of conceptual field of Art of Cookery.